
Сергей КИБАЛЬЧИЧ

ПЕСОК ПРОШЛОГО

Триптих

Песок сквозь пальцы серебрится,
А прошлое нам только снится...

ПЕСОК ПРОШЛОГО

Жизненный песок все время сочится у нас сквозь пальцы, не оставляя почти никаких следов, и если ничего не записывать, то почти ничего и не остается.

Большинство книг — это воспоминания, в то время как они должны бы быть дневниками. С изобретением компьютера неписание оных приобретает все более явный преступный характер. Кто сказал, что память человеческая отбирает самое важное и достойное сохранения?

Единственное преимущество таких, написанных уже *post factum*, когда уже почти ничего не помнишь, книг — это то, что они компактнее. Впрочем, в наш уже не железный и не медный, а, наверное, уже покотбукный и даже комп'отный век это едва ли не самое главное.

Например, о моем происхождении я теперь могу вспомнить очень немного. По матери все мои корни из-под Москвы. Деревни Михайловская и Федуловская Егорьевского района. Город этот теперь известен в основном колбасной фабрикой, а раньше славился купцами — теми самыми, что ловко объегоривали покупателей.

Впрочем, прадед мой был как раз связан с фабрикой, не знаю, уж какая там она тогда была. Во всяком случае мама всегда называла его забытым и туманным словом «коммивояжер». С фотографии смотрит весьма почтенное лицо с покрытыми обильной растительностью и потому имеющими самые мифологические очертания щеками и подбородком.

Однажды мы с мамой приехали в гости к каким-то родственникам в деревню Михайловскую, что неподалеку от Егорьевска. В ней жил таинственный дядя Сережа (мама часто о нем говорила). На другой день она отправилась в Федуловскую, а я остался в Михайловской кататься на велосипеде. Мама вернулась вечером и, не переставая, восхищалась красотой, которую увидела, а я в тот день свалился на велосипеде в кювет и, не признаваясь ей в этом, мысленно благодарил уж кого там я даже не знаю за то, что в деревнях кюветы не бетонируют.

Сергей Кибальчич (настоящее имя Сергей Акимович Кибальник) родился в 1957 году в Волгограде. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ). После окончания и по сей день работает в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук. Член Международного общества Ф. М. Достоевского. Автор восьми книг по истории русской литературы, в частности «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе» (2011), «Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского» (2013), «Чехов и русская классика: проблемы интертекста» (2015) — а также двух литературно-художественных книг: «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. Мужской роман-travelог» (2008), «МВитьки. Стихи и „прозы“, соображенные ночью на двоих и на троих on- и off-line» (2017, в соавторстве с Виктором Мальцевым). Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Октябрь», «Волга», «Литература». Живет в Санкт-Петербурге.

Еще деревня Михайловская произвела на меня неизгладимое впечатление тем, что в местном книготорге (кайгизе, как обычно называли книжный магазин в нашей семье, — от написанного над дверями КОГИЗ)¹ можно было выписать подписные издания, то есть собрания сочинений писателей — абсолютный дефицит в девственном тогда в этом отношении Сталинграде.

Я называю город таким именем, под каким его знают во всем мире — в Париже, в Нью-Йорке (конечно же, в основном по названиям улиц и станций метро), — а так же, как его в моем детстве по привычке называли бабушка, а иногда даже и мама.

Правда, когда я подросток, мама уже перешла на гораздо менее знаменитое (может, и слава богу!) нынешнее название, а иногда почему-то говорила «Волгоград», ставя ударение на первом слоге. Как будто бы соглашаясь поменять более привычное название на новое только при условии, чтобы в нем пела река.

«Издавела долга-а-а / Течет река Волга-а-а...» Положивший эти стихи на музыку Григорий Пономаренко жил в Нижнем Поселке, что между Тракторным и Спартановкой (за которой уже плотина и ГЭС), и ходил за папиросами в магазин почти на берегу реки, где однажды я его встретил. С несколькими подельниками из нашего класса мы двигали к трамвайчику через Волгу, где потом полдня оттягивались в «волей» (классный прогул школы во всех смыслах этого слова), и зашли чего-то прикупить.

Сашка Попов был замечателен тем, что умел вращать на 360 градусов от пола до потолка бидон, наполненный водой и не закрытый крышкой, так что вода, к моему удивлению, совсем не выливалась.

Юрка Жерещенко был еще круче и однажды на мое глубокомысленное замечание: «Юра is hungry»² — ответил: «А ты из Индии!» Я всегда был склонен приписывать этот факт тому, что начал изучать английский раньше (кажется, Юрка был на год моложе). Или он этим предметом не запаривался.

Но как-то мне пришло в голову, что он все же, напротив, продвинулся дальше меня и понял мою фразу в том смысле, что, дескать, «Юра is from Hungary»³. Тогда ответ его оказывался абсолютно логичным и даже, может быть, не лишним остроумия.

Только тогда я его об этом не спросил, а когда заявился в родной двор спустя без малого двадцать лет, то не без труда скоро выяснил, что он уже лет десять, как is from another world...⁴

Иных уж нет, а те далече, причем некоторые уже даже очень далече. Впрочем, есть люди, которые верят, что это недалеко. Хотя бы это было и так, какая, в сущности, разница?..

Так что теперь уже вряд ли удастся с ним поговорить: в after life⁵ как-то верится с трудом. И потом, если и там все такие дельцы, как теперь некоторые даже в церкви, то, может, лучше и не надо...

ВОВКА И ЕГО БРАТЬЯ (Братья Кибальчичи)

В Северо-Восточной Сардинии, в районе Ольвии еще встречаются совсем простые пляжи, на которых купальная зона огорожена буйками. На берегу, за узкой полоской песка, отделяющей море от отгороженных забором коттеджей (не

¹ Кооперативное государственное издательство.

² Юра голодный.

³ Юра из Венгрии.

⁴ Из иного мира.

⁵ Загробную жизнь.

включающих, как, скорее всего, было бы у нас, участки самого пляжа), растут самые обычные камыши. Эти камыши напомнили мне одну историю.

В знаменитой фильме (sic! — С. К.) Лукино Висконти Рокко, которого играл Ален Делон, был самым младшим из трех братьев. В семье, о которой я хочу вам рассказать, Вовка был самым старшим.

А самым младшим был я.

Конечно, в нашей семье не разыгрывались такие китайские страсти. Мы не были братьями Карамзовыми и даже никогда не призывали кого-либо грузить апельсины бочках (sic! — С. К.).

Вовка не насиловал у меня на глазах Марину Влади, в которую я был влюблен. Да и влюблен я в нее — как, впрочем, и ни в кого тогда — не был. Я тогда был на одиннадцать лет его моложе.

Но зато однажды, когда у Веньки украли купленный на всех нас новенький гоночный велосипед, Вовка его ударил.

Вообще-то Веньке, может, и стоило как следует треснуть. Но только не за велосипед. За ним числилось кое-что похуже. Но только не по отношению к Вовке.

Однажды на даче Венька сделал вид, что за мной гонится, а я поверил и побежал, обернувшись назад и глядя на него. Угодил в открытый погреб, в котором, к счастью, к люку была приставлена лестница, смягчившая удар, который благодаря этому пришелся не прямо в голову.

В другой раз когда мы с ним на кухне пили чай, и я, поднявшись со стула, взял в руки стоявший на столе чайник с кипятком, а потом опускался обратно на стул, такового под собой я уже не ощутил. И, упав на пол, пролил на себя немного кипятка, все же, к счастью, удержав чайник в руке. Потом, чтобы нас никто не застукал, пришлось прятаться в кладовку, где Венька смазывал мою пораженную ляжку ихтиоловой мазью. Но Вовка все-таки однажды нас вычислил и, докопавшись, в чем дело, ударил Веньку во второй раз в жизни.

А других недоразумений меж нами почти не было.

Мы мирно играли в индейцев в зарослях, покрывавших берег неподалеку от нашей дачи в дельте Волги перед ГЭС. Река здесь разливается вширь на несколько километров, а течения почти нет. На берегу и в воде по большей части камни и галька. Так что мы всегда звали эту часть реки морем.

Вопрос, что делать на летних каникулах, иногда формулировался так:

— На море или за Волгу?

Почти все пляжи в городе были тогда на другом, левом берегу реки.

Огромные листья лопуха годились на шлемы или, скорее, каски, приходившиеся в пору даже Вовке. Из стеблей камыша изготавливались длинные копья, а луки и стрелы мы делали сами, но из того же подножного материала, который рос вокруг на скалах, подходивших почти к самому берегу, ни у кого не спрашивая разрешительной документации.

Задача заключалась в том, чтобы, получше спрятавшись в камышах, внезапно выскочить из них и поразить противника, застав его врасплох, — так, чтобы он не успел защититься деревянным щитом.

Вовка всегда хорошо прятался и неожиданно выскакивал. Зато Венька ловко уворачивался от копья и отражал летящие в него стрелы щитом.

Впрочем, когда его дочь в двадцать семь лет заболела раком, он не смог ни вернуться, ни отразить от нее удар, и через три года на кладбище в нескольких километрах позади Мамаева кургана появилась ее фотография с выражением удивления на симпатичном молодом лице.

Вовке тоже не удалось так уж хорошо спрятаться, и когда ему понадобилась операция на печени, которую он не мог перенести по причине большого сердца, камышовое копые снова попало в цель — на сей раз уже в последний раз.

И на коттеджном кладбище в пойме Ахтубы сереет теперь его черно-белая фотография, встроенная в середину большого шестиконечного креста, с которой он смотрит со слегка недовольной улыбкой — почти такой же, которая была на его лице, когда я однажды попал в него березовой стрелой из самопального ивового лука.

ЛИДИЯ

1

Осень. Я иду по пустынной улице и замечаю вдалеке пожилую женщину, идущую мне навстречу. Кажется, это моя мать. Она высокая, у нее седые волосы, которые схожим образом зачесаны назад.

Женщина все ближе, а сходства все меньше. Вот она уже почти поравнялась со мной. У нее грубые черты и неприязненное выражение лица. Ничего общего с моей матерью. Разве только общий силуэт фигуры.

Но ведь моя мать давно умерла, вдруг вспоминаю я. И понимаю, что раз я снова и снова ищу ее глазами на улице, значит, наверное, мои дела совсем плохи.

Внезапно я ощущаю желание расплакаться. Но, кажется, я уже не умею. Только глаза у меня увлажняются, но, к счастью, под стеклами очков различить это непросто.

Вот такой вот сон время от времени я вижу уже много лет. И в этот момент всегда просыпаюсь.

2

Это был небольшой спортивный магазин прямо на лионском вокзале Пардье. Через час он уезжал с него в Париж и, явившись немного загодя, думал теперь, как скоротать полчаса, пока на электронном табло высветится номер (а точнее, буква; у этих французов все не как у людей) платформы, с которой уходил его поезд.

В углу виднелся маленький привокзальный магазин. Ему ничего, в общем-то, не было в нем нужно, но когда он увидел девушку-продащицу, вдруг срочно понадобились кеды.

Она была высокая и носила летний спортивный наряд из футболки и шортов, причем последние на ней немного топорщились, что нисколько не портило все равно безукоризненной фигуры и мягкой улыбки, как будто бы слегка извиняющейся за ее слабый английский.

Взглянув на ее бейдж и желая ее ободрить, он сказал:

— Your name is Lydia?⁶

Она кивнула.

— This was my mom's name⁷.

И добавил, неизвестно зачем:

— It's greek. You know?⁸

⁶ Вас зовут Лидия?

⁷ Так звали мою мать.

⁸ Это греческое имя. Вы знаете?

Она знала. Она даже знала, что это имя означало область в Малой Азии и часто давалось рабам, вывезенным из нее.

Но моя мать не была рабыней. Разве что своих детей — причем добровольной. Поэтому что готова была сделать для них что угодно. И искренно жалела тех своих соседей по дому, у которых детей не было.

3

А вот другой сон, который я и вправду однажды видел в пионерском лагере.

Мы играем в футбол. Команда пятого отряда против третьего. Мы младше на два-три года, и шансов у нас немного. Они все время атакуют и бьют по нашим воротам. Только бьют плохо: или по центру, или мажут — и наши ворота остаются неприкосновенными, как будто заговоренные.

Дело идет уже к концу матча, и тут мяч где-то в центре поля попадает ко мне. Я иду по месту правого полусреднего, и мне удается с ходу обвести пару игроков. Я два раза делаю один и тот же финт, который лучше делать, как раз когда ты на правом краю, потому что при этом ты смещаешься к центру. Сблизившись с игроком, я быстро перебрасываю мяч с правой ноги на левую и пробрасываю его вперед. На меня бросаются новые игроки, но они запаздывают, и мне хватает скорости ровно для того, чтобы пробросить мяч мимо игрока справа, обежать его слева и быть снова первым на мяче, прежде чем его коснется защитник.

И вот передо мной уже только вратарь. Я замедляю ход и двигаюсь к воротам не по центру, а, как и бежал, справа от одиннадцатиметровой отметки. Как это водится в дворовом футболе, вратарь сначала просто сидел в воротах, не ожидая от меня такой прыти, и потому он опаздывает выйти мне навстречу. Теперь он стоит почти на линии ворот и ждет, что я буду делать. А я тоже стою и стараюсь немного отдышаться, благо защитники безнадежно отстали и у меня есть несколько секунд.

Воротчик, улыбаясь, кричит мне:

— Ну, давай. Бей! — и что-то еще, чего я не разбираю. Но мне и не нужно разбирать — это ведь он хочет меня отвлечь, чтобы я поспешил и промазал.

Я вытираю глаза от набежавшего ветра, заносу ногу и хладнокровно, как принято говорить в репортажах с футбольных матчей, «на исполнение», бью щечкой мимо вратаря в дальний угол. А через несколько минут раздается финальный свисток.

Я понимаю, что ни один читатель мне не поверит, но если из моего нынешнего прекрасного далека я ничего себе не нафантазировал, то этот другой сон был все же сном наяву. Я даже могу сказать, где и когда это было. Пионерский лагерь «Калач», недалеко от одноименного городка на Дону — где-то примерно между Волгоградом и Ростовом — 1965, 1966 или 1967 год.

Я понимаю, что среди моих читателей вряд ли найдется кто-то из пятого или третьего отряда, а если предположить совсем маловероятное и такой все же найдется, то, скорее всего, у него об этом матче остались совсем другие воспоминания. Ведь о том, что случилось не далее чем пять минут назад, разные люди рассказывают, как известно, пять совершенно разных историй.

Но то, что это было и что мне случалось забивать гол резаным ударом, при котором мяч вначале летит мимо и лишь в последний момент заворачивает в дальнюю девятку, делает меня, по крайней мере, в собственном сознании другим человеком.

И когда я иду со своим сыном побегать с подростками на один из травяных ковров, которых видимо-невидимо положили у школ нашего района и о которых я не мог даже мечтать в моем далеком-предалеком детстве, то я уже не могу поспорить с ними в скорости и даже в силе удара, но пас у меня по-прежнему что надо.

4

А все это я вспоминаю сейчас потому, что в 1966 году мы с мамой ездили на юг и прожили вторую половину июня на берегу Черного моря в абхазском селении Гантиади, что раскинулось между Адлером и Гагрой.

И вот на этом месте мои читатели, если в нашем прекрасном далеке они еще велись не совсем, подразделяются на две неравноценные группы. Тех, кто понимает значение названной даты, и тех, кому его нужно объяснять.

И тем, кому нужно объяснять, я скажу, что в июне 1966 года в Англии проходил чемпионат мира по футболу. До сих пор это единственный чемпионат мира, на котором англичане стали чемпионами, обыграв в финале немцев 4:2 — не без помощи бакинского судьи Тофика Бахрамова, засчитавшего третий год после удара Питерса, когда мяч после удара в перекладину выскочил из ворот, и никто: ни Питерс, ни Бахрамов, разумеется, не успел заметить, приземлился ли он за или до линии ворот. Для болельщиков без стажа поясню, что когда в Южной Африке в матче тех же немцев с англичанами, только еще задолго до финала, судья не засчитал гол Лэмпарда, а миллиард телезрителей наблюдал в видеоповторе, как мяч опускается далеко за линию ворот, то немцы после матча говорили, что судьба вернула им должок за 1966 год.

Так вот рассказываю вам все это я только потому, что тот чемпионат 1966 года был, если не ошибаюсь, первым чемпионатом мира, который показывали по телевизору. Или, во всяком случае, первым, когда у большинства уже были телевизоры. Тем далеким летом 1966 года я стал болельщиком этой странной игры, в которой мяч нужно непременно запихать между трех (во дворе, как правило, двух) штанг, причем всем чем угодно, кроме рук.

Поскольку, в отличие от Ника Хорнби, написавшего неслабую книжку про футбол его детства, только много позже и в Англии, я всю жизнь так и смотрел эту игру в основном по телевизору, и пока не уехал из родного города, то главным образом дома вместе с мамой, в моем сознании воспоминания о детстве непременно включают в себя просмотренные или сыгранные футбольные матчи, а память о матери непостижимым образом оказалась связана с футболом.

5

Недавно я снова побывал в городе моего детства. Теперь в Волгограде новый футбольный стадион, построенный специально к чемпионату мира в России, о котором — как стадионе, так и чемпионате — я не мог даже мечтать. Рядом с ним и напротив него разбиты два парка. В новый аэропорт ведет прекрасная пятиполосная в обе стороны автодорога и даже ходит электричка.

А туда, где мы когда-то вместе с мамой и братьями летом жили на даче, пришел город: на покосившиеся вдоль моря дачные домики наступают девятиэтажки.

Так что сон, который я теперь вижу чаще всего, это тот, в котором мама, оказывается, еще жива.

И нужно только успеть — во что бы то ни стало успеть приехать — и все еще будет, как прежде...